

Научная статья

УДК 811.512.141'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10702

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ КОДОВЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ В УСТНОЙ РЕЧИ БАШКИР (НА МАТЕРИАЛЕ МОНОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ВОСТОЧНОГО ДИАЛЕКТА)

Лилия Айсовна Бускунбаева

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия, buskl@yandex.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3495-3742>

Аннотация. Исследуются основные структурные типы башкирско-русских переключений в устной речи башкир восточного диалекта. Тема исследования представляет особый интерес, поскольку в настоящее время в условиях башкирско-русского двуязычия переключение кода остается малоизученным в башкирской лингвистике. В башкирской разговорной речи функционирует большое количество иноязычного материала (морфемы, слова, словосочетания, предложения), относящегося к неассимилированной лексике. Структурный анализ устных дискурсов, размещенных в Текстологической базе Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка, показал, что в речи употребляются различные по структуре кодовые переключения.

Ключевые слова: башкирский язык, диалект, билингвизм, кодовые переключения, вкрапления, островные переключения, пиджинизированные переключения

Благодарность. Настоящее исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Развитие и лексико-грамматическое исследование корпуса письменных текстов башкирского языка» (номер госрегистрации: 122040400129-9).

Для цитирования: Бускунбаева Л. А. Структурные типы кодовых переключений в устной речи башкир (на материале монологических текстов восточного диалекта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 17—26. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10702.

Original article

STRUCTURAL TYPES OF CODE-SWITCHES IN THE ORAL SPEECH OF BASHKIRS (BASED ON THE TEXTS OF THE EASTERN DIALECT OF THE BASHKIR LANGUAGE)

Liliya A. Buskunbaeva

Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, buskl@yandex.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3495-3742>

Abstract. This article examines the main structural types of Bashkir-Russian code-switching in the oral speech of the Bashkir Eastern dialect. The topic of the study is of particular interest, since currently, in the conditions of Bashkir-Russian bilingualism, code-switching remains poorly studied in Bashkir linguistics. In Bashkir colloquial speech, there is a large amount of foreign language material (morphemes, words, phrases, sentences) related to non-assimilated vocabulary. Structural analysis of oral discourses placed in the textual base of the dialectological subfund of the Machine Fund of the Bashkir language showed that code-switches of different structure are used in speech.

Keywords: Bashkir language, dialect, bilingualism, code-switching, inclusions, island switching, pidginized switching

Acknowledgements. This study was carried out within the framework of the state subsidy — the project “Development and lexico-grammatical study of the corpus of written texts of the Bashkir language” (state registration number: 122040400129-9).

For citation: Buskunbaeva L.A. Structural types of code-switches in the oral speech of Bashkirs (based on the texts of the Eastern dialect of the Bashkir language). *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(7(465):17-26.* (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10702.

Введение

Одной из актуальных задач современной лингвистики является изучение проблемы взаимовлияния языков. Ни один народ не может существовать изолированно, что находит отражение и в языковой системе. В результате многовековых языковых контактов с различными народами языки взаимобогащаются.

В процессе длительного взаимодействия русский язык сыграл огромную роль в обогащении словарной системы башкирского языка. Заимствования «нужны в общении, они проникли в язык вместе с проникновением обозначаемых ими предметов и понятий в быт и повседневную жизнь башкир» [23. С. 25]. Заимствуется не только значение, но и звуковая оболочка слова, иногда адаптировавшись к языку-реципиенту фонетически.

Русский язык активно выступает также и языком-посредником, «который служит передаточным звеном, выполняет роль промежуточного компонента в процессе заимствования слова из одного языка в другой» [13. С. 74].

Русские заимствования в башкирском языке не раз становились объектом исследования у башкирских лингвистов. Они описаны монографически [23], по ним составлены словари [8; 21]. Наряду с заимствованиями, которые привнесли в башкирский язык новые понятия и зафиксированы в лексикографических источниках, в разговорной речи функционирует большое количество иноязычного материала, в данном случае русизмов, относящихся к неассимилированной лексике. Они имеют эквиваленты в языке-реципиенте и однозначно воспринимаются носителями языка как чужеродные, засоряющие родной язык элементы.

Говорящие в процессе речепроизводства могут употреблять в своей речи не только иноязычные слова, но и морфемы, словосочетания и целые предложения. Такие иноязычные языковые единицы изучаются в аспекте билингвизма и переключения языковых кодов.

В 1970-х гг. широкий размах приобрели исследования, связанные с изучением и анализом языковых контактов, билингвизма, заимствований и интерференции, переключения кодов и др. Все вышеперечисленные проблемы изучаются в рамках сравнительно молодого и в то же время перспективного направления в лингвистической науке — контактной лингвистики.

Общеметодологические вопросы и основные положения контактной лингвистики были сформулированы в работах зарубежных ученых У. Вайн-

райха [6], К. Майерс-Скоттон [14; 28], Э. Моравчика [27], Р. Аппеля, П. Муйскен [26]. Отечественные исследователи активно включились в изучение данной отрасли лингвистики. Стремительный рост числа научных работ по данной проблематике подтверждает ее актуальность [1; 2; 11; 12; 25 и др.].

Центральным объектом контактной лингвистики является языковая личность билингва (или полилингва), особенности его коммуникативного поведения и языковой материал, созданный билингвом (полилингвом). В качестве языкового материала могут выступать как образцы устной речи, так и письменные тексты.

Основным языковым материалом при анализе кодовых переключений (КП) преимущественно служат образцы устной речи как наиболее естественная форма реализации языковой системы в коммуникативном процессе. «Устная речь как форма речевого общения в максимальной степени соответствует физиологической природе человека, а также природе его интеллектуальной деятельности» [7. С. 6]. Именно в устной речи наиболее ярко проявляются КП. Разработка лингвистических корпусов, баз данных по устной речи позволяют не только фиксировать КП в речи коммуникантов, но и дают возможность систематизации и анализа имеющегося фактического материала, определения частоты употребления.

Переключение кода с башкирского языка на русский неразрывно связано с явлением массового билингвизма, которое получило широкое распространение в Республике Башкортостан. Русский язык выступает в качестве основного языка-посредника, обслуживающего многонациональное население республики.

В башкирской лингвистике проблема КП является одной из малоизученных, что связано прежде всего с отсутствием ранее представительных баз данных и электронных корпусов по устной речи.

Одним из первых обратившихся к данной проблеме в башкирской разговорной речи был известный тюрколог Н. К. Дмитриев, издавший в 1929 г. обширную статью, посвященную варваризмам, зафиксированным в живой речи башкир северо-западной части Тамьян-Катайского кантона (Усмангалинская, Катайская, Тештяро-Учалинская и Тунгатаровская волости) [10]. Язык большей части населения данного региона относится к восточному диалекту башкирского языка. Диалектный материал был собран ученым во время работы Башкирской экспедиции Академии наук в составе лингвистико-фольклорного подотряда в 1928 г. Как известно, именно в этот период

в башкирский язык активно начинают проникать русизмы, историческими предпосылками появления которых являются изменения в общественно-политической и экономической сфере, привычном укладе башкир.

В конце статьи Н. К. Дмитриевым приведен глоссарий, включающий в себя 394 глосс. Он содержит не только отдельные слова (*rasxūt* < *расход* (Аисово, А. Гиззетуллин, 25 лет), но и целые фразы (*min s'er'edn'ak šitajt ik'en* — меня середняком считали [собств. 'считать делали'; *šitajt* < считать] (Ново-Хасаново, Ш. Я. Мурадшин, 56 лет) [10. С. 87—105].

Нужно отметить, что Н. К. Дмитриев включил в глоссарий и слова, которые в последующем перешли в разряд полноценных заимствований, вошедших в активный пласт лексики башкирского языка, например: *bartije* < партия, *bašburt* < паспорт, *batmūs* < поднос, *b'idrā* < ведро, *k'irbīs* < кирпич, *ter!k'e* и *ter!k'e* < тарелка и т. д.

Имеются исследования иноязычных вкраплений на обширном материале корпусов прозы и публицистики башкирского языка, в которых сделана попытка классифицировать исследуемые языковые единицы. В художественных и публицистических текстах переключение кодов выступает как один из стилистических приемов при воссоздании определенного колорита, атмосферы либо придания определенной экспрессии [5; 19; 20].

Однако в башкирском языкознании нет исследования кодовых КП, опирающегося на обширный материал по устной речи. Такие иноязычные элементы нуждаются в многостороннем анализе и систематизации имеющегося фактического материала.

Целью данной статьи является анализ структурных типов КП, функционирующих в башкирской разговорной речи башкир восточного диалекта.

Материалы и методы исследования

В качестве источника данных для анализа смены языковых кодов выступает Текстологическая база Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка (<http://mfbl2.ru/mfbl/bashdial>), включающая диалектные тексты, собранные в рамках НИР «Создание корпуса диалектных текстов башкирского языка» (2017—2021).

Данная база открывает доступ к ценнейшим материалам по речевому богатству национально-языка и служит инструментом для проведения различного рода исследований и решения многих лингвистических проблем [См. подробнее: 4; 18].

Разработанная специально для диалектных текстов содержательная метаразметка предоставляет

информацию об информанте (имя, отчество, фамилия, место проживания, пол, национальность, диалект, говор, возраст, образование (начальное, среднее, высшее)), о записанном тексте (год записи, тематика).

В базе предусмотрен поиск по следующим параметрам: диалект, говор, пол, национальность, год записи, образование, возраст, тематика текста.

В Текстологической базе КП с обеих сторон выделены символом октоторп (#) для их разграничения от исконно башкирских слов и заимствований, которые закрепились в лексической системе башкирского языка. Они представлены в оригинальной орфографической записи, если в процессе речевого производства не подвергались фонетической адаптации [4. С. 93].

Для исследования было выбрано 323 текста, относящихся к восточному диалекту башкирского языка, в которых зафиксированы КП с башкирского на русский язык. Исследуемые тексты включают 1886 различных по своей структуре КП.

Надо отметить, что в качестве информантов были отобраны носители восточного диалекта с уверенным владением родным языком. Во время записи присутствие собирателя-исследователя в подавляющем большинстве случаев накладывает отпечаток на языковое поведение информанта, который максимально контролирует качество своей речи (стремится говорить правильными конструкциями, не злоупотреблять языковыми переключениями, корректировать фразу при обнаружении оговорок). Следовательно, можно предположить, что в неформальной обстановке количество КП в речи только увеличивается.

КП в башкирской разговорной речи нельзя назвать хаотичными, не подчиняющимися никаким правилам. Материал Текстологической базы дает возможность проанализировать основные структурные типы КП в башкирской разговорной речи, выявить их количественные характеристики (частоту появления в тексте).

Кодовые переключения в разговорной речи башкир

КП, являясь предметом исследования контактной лингвистики, представляют собой встраиваемые иноязычные элементы (морфемы, слова, словосочетания, предложения) в морфосинтаксическую структуру родного языка. При интегрировании в высказывание таких элементов в целом не нарушается линейная последовательность синтаксических компонентов предложения [17. С. 354].

При описании КП многие лингвисты придерживаются рамочной модели матричного языка, разработанной американским ученым К. Майерс-Скоттон [14; 28]. Согласно данной модели, разграничиваются матричный язык (МЯ), обеспечивающий высказывание морфосинтаксической структурой и являющийся основным источником содержательных морфем (способных управлять семантическими ролями) и системных морфем (имеющих только грамматическое значение), и гостевой язык (ГЯ), элементы которого могут встречаться в составе МЯ. В высказывании «все основные лингвистические операции определяются матричным языком, то есть именно МЯ устанавливает порядок морфем и предоставляет синтаксически релевантные системные морфемы» [24. С. 23].

В этом исследовании в роли МЯ выступает башкирский язык, в роли ГЯ — русский. В речь преимущественно включаются содержательные морфемы ГЯ. Рассматриваемая языковая пара относится к типологически разным языковым системам (башкирский язык — к агглютинативному типу языков, русский — к флективному). Несмотря на то что грамматический строй одного языка разительно отличается от другого, в разговорной речи информанты сочетают элементы данных языков без ущерба для правильного восприятия информации.

Анализируемый материал показал, что в разговорной речи башкир могут употребляться различные по своей структуре КП.

Структурные типы кодовых переключений в башкирской разговорной речи

Структурные типы КП в башкирском языке выделены на основе классификации, предложенной Г. Н. Чиршевой:

- выбор кода;
- межфразовые (интерсентенциальные) — переключения между предложениями в пределах одного дискурса;
- внутрифразовые (интрасентенциальные) — переключения а) между компонентами сложных предложений; б) в пределах словосочетания или простого предложения [25. С. 63—66].

В анализируемом материале КП представлены лишь внутрифразовыми переключениями. Выбор кода предусматривает задействование в коммуникативном акте двух и более участников. В данном исследовании такой тип КП не был рассмотрен ввиду отсутствия диалогических дискурсов. Меж-

фразовые переключения также не зафиксированы в данных текстах.

Внутрифразовые переключения

Самым распространенным типом КП в монологической спонтанной речи информантов являются внутрифразовые переключения, преимущественно представленные вкраплениями и островными переключениями.

1. Внутрифразовые переключения между компонентами сложных предложений.

В анализируемом диалектном материале зафиксировано всего два случая употребления внутрифразовых переключений между компонентами сложных предложений (2 употр., 0,1 %): *укытыусыга рәхмәт инде / # расскажите # / # я # # понимаю # # по башкирски # тине // лит. укытыусыга рәхмәт инде / һөйләгез / мин башкортса аңлайым тине // ‘спасибо учительнице // она сказала / расскажите / я понимаю по-башкирски //’ (ж., 78, высшее, кызыльский)¹; Аликсандр Йеремейевиц килә лә # Миля # # дай # # пажалыста # / # я # # цифру # # проверю # тей зә безең йыйган # светканы # йазып ала // лит. Александр Еремеевич килә лә Милә / бир ала / мин һандарзы тикшерәм / ти зә безең йыйган мәғлүмәтте язып ала // ‘Александр Еремеевич подходит и говорит / Миля / дай / пожалуйста / я цифру проверю / и переписывает собранную нами сводку //’ (ж., 78, высшее, кызыльский). В вышеприведенных примерах переключение кода с башкирского языка на русский мотивировано, поскольку информант целенаправленно использует русский язык для передачи чужой речи — прямого цитирования, разграничивая тем самым авторскую и чужую речь.*

2. Внутрифразовые переключения в пределах словосочетания или простого предложения.

В пределах словосочетания или простого предложения выделяют следующие КП: вкрапления и островные переключения.

Вкрапления — одиночные переключения, которые подчиняются грамматическим правилам МЯ. Они могут быть в фонетическом плане как адаптированы к МЯ, так и не адаптированы. Как отмечает Г. Н. Чиршева, они напоминают заимствования, поскольку «никаких системных морфем (служебных слов и флексий) из гостевого языка они не включают» [25. С. 63—66].

Вкрапления в башкирской разговорной речи представлены собственно вкраплениями и пиджинизированными переключениями.

¹В статье представлена следующая система метаданных: пол (м. — мужской, ж. — женский), возраст, образование и говор информанта.

а) Собственно вкрапления могут быть представлены как содержательными морфемами, так и системными. Иноязычные содержательные морфемы представляют собой иноязычные переключения в исходной (или словарной) грамматической форме, не оформленные системными морфемами ни ГЯ, ни МЯ.

Диалектный материал, представленный в Текстологической базе, показал, что в монологической речи информантов преобладают именно собственно вкрапления (1187 употр., 63%). Их морфологический состав отличается многообразием.

В базе данных такие вкрапления представлены союзами (403), наречиями (360), существительными (172), прилагательными (112), определительными местоимениями (87), частицами (53).

Многочисленны и регулярны в употреблении иноязычные системные морфемы, имеющие только грамматическое значение и передающие семантико-синтаксические отношения между содержательными морфемами. Высокая частотность наблюдается в употреблении русских союзов (403 употр.) и частиц (53 употр.).

Многими тюркологами отмечается сравнительно позднее происхождение и развитие союзов в тюркских языках, что подтверждается их полным отсутствием или ограниченным количеством в древнетюркских памятниках [15. С. 3; 16. С. 44]. Интенсивное развитие союзов приходится на послелисламский период, когда под влиянием арабского и персидского языков они начинают проникать в письменный язык. Следовательно, многие союзы в современном башкирском литературном языке являются арабо-персидскими заимствованиями.

В разговорной речи употребление союзов в большинстве случаев носит «факультативный характер» [9. С. 351], поскольку «сам строй тюркских языков не требует их использования в структуре высказывания» [22. С. 126]. Основными средствами выражения синтаксических отношений в башкирском языке выступают послелого, частицы, неличные формы глагола, падежные аффиксы. Немаловажную функцию выполняет и интонация. В разговорной речи, например, значения перечисления, противопоставления преимущественно передаются соответствующей интонацией, следовательно, необходимость в употреблении союзов отпадает.

В разговорной речи союзы арабо-персидского происхождения также все чаще вытесняются русскими эквивалентами: *йылы гөндәре лә була / # но # быйылгы йылда былай һыуыг булды* // лит. *йылы көндәре лә була / ләкин быйылгы йылда былай*

һыуыг булды // ‘бывают и теплые дни / но в этом году было холодно //’ (м., 26, высшее, кызыльский); *кредит фәлән түгәнде # тожы # Аскарға барып түләйзәр* // лит. *кредит фәлән-төгәнде шулай ук Аскарға барып түләйзәр* // ‘кредиты и другие платежи оплачивают тоже в Аскарново’ (ж., 40, среднее, кызыльский).

Наиболее употребительными являются сочинительные союзы *и* (108), *тоже* / *туже* / *тожы* / *туже* ‘тоже’ (102).

Некоторые исконные частицы в разговорной речи нередко по частоте употребления уступают иноязычным единицам. Например, усилительная частица русского языка *даже* / *дажы* / *дэже* (39 употр.) употребляется гораздо чаще, чем исконная *хатта* / *һатта* (24 употр.): *# дажы # ауызымды астырманьлар* // лит. *хатта ауызымды астырманьлар* // ‘даже не позволили мне рта раскрыть’ (ж., 47, среднее, кызыльский).

Отдельным пластом можно выделить содержательные морфемы русского языка, употребляемые в устной речи башкир.

Большую долю вкраплений составляют прилагательные и наречия русского языка в речи информантов. И прилагательные, и наречия в башкирском языке не имеют формальных показателей. По этой причине иноязычные прилагательные и наречия преимущественно употребляются в начальной (словарной) форме: *учалының # пагодаһы # ысынап та нык # суровый #* // лит. *учалыла һауа торошо ысынлап та нык кырыс* // ‘погода в учалах действительно очень суровая’ // (ж., 47, высшее, кызыльский); *куйандар / терпеләр # часты # күренә инде* // *куяндар / терпеләр йыш күренә инде* // ‘часто встречаются зайцы / ежи //’ (ж., 29, высшее, кызыльский).

Анализируемый материал показал широкое распространение вкраплений, представленных именами существительными русского языка: *# перемена # вақытында әкийәт тә ғарайзәр* // лит. *тәнәфес вақытында әкиәт тә карайзәр* ‘во время перемены смотрят сказки’ (ж., 35, среднее, кызыльский); *# встреча # уақытында әйтергә гәрәк* // лит. *осрашыу вақытында әйтергә кәрәк* // ‘нужно сказать во время встречи //’ (ж., 56, среднее, айский). Существительные всегда приводятся в исходной форме, как того требует позиция в предложении.

б) *Пиджинизированными переключениями* (или пиджинами) называют переключения, оформленные словоизменительными и формообразующими маркерами МЯ в соответствии с правилами МЯ. Данные переключения не содержат системных морфем ГЯ.

В анализируемой базе выявлено всего 424 употребления (22,4%) пиджинизированных переключений, которые представлены преимущественно существительными и глаголами, что объясняется их морфологической природой. Они присоединяют формообразующие и словоизменятельные аффиксы, которые изменяют грамматическое значение слова и служат для установления синтаксических отношений.

В анализируемом материале зафиксировано 330 пиджинизированных переключений, представленных существительными. В речь заимствуется только русская корневая морфема, способная присоединять все аффиксы МЯ: *безгә кызык # лыжыла # йөрөгә* // лит. *безгә кызык саңгыла йөрөгә* // 'нам интересно кататься на лыжах // ' (м., 13, начальное, учалинский); *хәзерге в*акытта үземдең # симйам # бар* // лит. *хәзерге вакытта үземдең гаиләм бар* // 'сейчас у меня своя семья // ' (ж., 42, высшее, учалинский).

В башкирской разговорной речи пиджинизированные переключения также представлены глаголами (94 употребления). Такие переключения представляют собой аналитические конструкции, включающие в свой состав инфинитивную форму глагола ГЯ и вспомогательный глагол МЯ -ит: *звонить итеу* в.м. лит. *шылтыратыу* 'звонить', *переселять итеу* в.м. лит. *күсерәу* 'переселять', *утеплять итеу* в.м. лит. *йылытыу* 'утеплять' и т. д. При этом неопределенная форма русского глагола остается неизменной, а вспомогательный глагол оформляется системными морфемами МЯ: *бәйзәм белән # заниматься # итәм* // лит. *бәйләм менән шөгәлләнәм* 'занимаюсь вязанием' (ж., 67, среднее, учалинский); *һәнәк менән # собирать # итәбез* // лит. *һәнәк менән йыябыз* 'собираем вилами' (м., 13, начальное, учалинский).

Рассматривая глагольные образования аналитического типа, образованные по вышеуказанному принципу, Н. К. Дмитриев отмечает, что количество таких глаголов в башкирском языке «ввиду гибкости этой формулы можно увеличить до бесконечности» [10. С. 76].

Островные переключения

Островные переключения в башкирской устной речи представлены двумя видами: а) лексическая единица ГЯ с системными морфемами ГЯ; б) словосочетание, сохраняющее порядок слов ГЯ и словоизменятельные и формообразующие маркеры ГЯ. Рассмотрим их подробнее.

а) Лексемы ГЯ, оформленные системными морфемами ГЯ (служебными словами или флек-

сиями), занимают значительное место в разговорной речи башкир (109 употр., 5,8%).

Наиболее репрезентативны имена существительные ГЯ, оформленные показателем множественного числа ГЯ: *# овощи # / # фрукты # үстерәбез // сөгәлдөр / бәрәңге / кишер // лит. йәшелсә / емеш-еләк үстерәбез // сөгәлдөр / картуф / кишер // 'выращиваем овощи / фрукты // свеклу / картофель / морковь //'* (ж., 42, высшее, учалинский); *# кабашки # сәстениһәң / # вис # нейзәргә / каззарга турап ашатаһың // лит. ташкабак сәсһәң / бөтәһен дә низәргә / каззарга турап ашатаһың // 'если выращиваешь кабачки, / то откармливаешь ими этих / гусей //'* (ж., 80, начальное, кызыльский). Нужно отметить, что, кроме формы множественного числа, другие грамматические маркеры существительных ГЯ в текстах не зафиксированы.

В анализируемом материале также представлены глаголы, сохраняющие формальные грамматические признаки ГЯ: *# абет # вакытында # ужы # # старайутса # фтарой # берәй нәмә беширегә // лит. төшкөлөккә икенсе блюдога берәй нәмә беширергә тырышалар // 'во время обеда стараются уже сварить что-нибудь на второе //'* (ж., 40, среднее, кызыльский); *быйыл санаторийга # сабирайус # инде // лит. быйыл санаторийга йыйынам инде // 'в этом году собираюсь в санаторий //'* (ж., 34, среднее, учалинский). Как можно увидеть на примере первого предложения, порядок слов в нем был изменен под влиянием глагола ГЯ. Как известно, в башкирском языке сказуемое, выраженное глаголом, преимущественно занимает постпозицию по отношению к другим членам предложения.

Отмеченная выше разноструктурность языков находит свое отражение и в употреблении средств связи слов в речи. В русском языке смысловые и грамматические связи слов оформляются с помощью предлогов и морфологических средств. В башкирском же языке предлоги отсутствуют, их функцию выполняют послелогии и падежные аффиксы. В то же время в разговорной речи башкир они имеют место быть в составе островных переключений: *[ауылдар]# черис # # дарогу # тигәндәй б*улаинде // лит. [ауылдар] юл аша тигәндәй була инде // 'деревни как будто проходят через дорогу //'* (ж., 40, среднее, кызыльский); *элек кыззар # да # # канса # алып кайта торғандар ине һыузы // лит. элек кыззар азагынаса алып кайта торғандар ине һыузы // 'раньше девушки доносили воду до конца (до дома) //'* (ж., 49, среднее, кызыльский); *һәзер йылга # са # # временем # бысранды // лит. хәзер йылга вакыт үтеу менән*

бысранды // 'река со временем загрязнилась // (ж., 49, среднее, кызыльский).

б) Островные переключения второго вида (159 употр., 8,4%) представлены преимущественно субстантивными словосочетаниями, образованными по структурным моделям «прилагательное + существительное» (*зимнийе паруды* 'зимние породы', *йенатавидный сабака* 'енотовидная собака', *музыкальный школа* 'музыкальная школа', *дескей сат* 'детский сад'), «существительное + существительное» (*адел статистики* 'отдел статистики', *бридсидател калхуза* 'председатель колхоза', *минежер по продажам* 'менеджер по продажам').

Островные переключения, представленные моделью «прилагательное + существительное», в разговорной речи имеют некоторые особенности.

Если в башкирском языке имена прилагательные не имеют формальных показателей числа, рода и падежей, то в русском языке они грамматически зависимы от существительных и совпадают с ними в числе, роде и падеже. В разговорной речи информантов независимо от того, какими грамматическими показателями оформлено существительное ГЯ в составе островных переключений прилагательные русского языка чаще всего употребляются в начальной форме, которая представляет собой мужской род, единственное число и именительный падеж: *минен эргәлә генә # поле # б*ар / зур # футбольный ## поле # // лит. минең эргәлә генә майзансык бар / зур футбол майзансыгы //* возле моего дома есть поле / большое футбольное поле // (ж., 14, среднее, кызыльский); # *наспыртны ## визывый # #служба # эшләнем // лит. паспорт-виза хезмәтендә эшләнем //* 'я работала в паспортно-визовой службе // (ж., 40, высшее, кызыльский). Такие островные переключения в определенной степени адаптировались к правилам МЯ.

Морфологические дублеты

Помимо вышеперечисленных структурных типов КП, в башкирской устной речи наблюдаются и морфологические дублеты (5 употр., 0,3%).

В разговорной речи в составе одной лексемы встречается дублирование показателей множественного числа как МЯ, так и ГЯ. Аффикс множественного числа чаще всего дублируется в именах существительных: # *наскилар # бэйләнем // лит. ойокбаштар бэйләнем //* 'вяжу носки' (ж., 67, среднее, учалинский); *индәем # пиражкызар # б*шерә торганыйе // лит. әсәйем бөйөрөктәр бешерә торгайны //* 'моя мама пекла пирожки'

(ж., 60, среднее, учалинский). В анализируемом материале зафиксирован один случай употребления дублированного аффикса множественного числа в глаголах: *уны [кыззы] # могуттар # ауылдың бер осонан икенсәһенә йагына + апарып йәшерергә // лит. уны [кыззы] ауылдың бер осонан икенсе ягына алып барып йәшерә алалар* 'ее [девушку] могут спрятать из одной части деревни в другой части' (свадебный обряд) (ж., 40, высшее, кызыльский).

Как видно из примеров, к иноязычной лексеме вначале присоединяется аффикс множественного числа ГЯ, затем добавляется морфологический дублет МЯ *-лар/-ләр*. В пределах одного слова, таким образом, возникает грамматический плеоназм [3. С. 31]. В то же время морфологические дублеты других аффиксов в текстах не выявлены.

Заключение

Как показал исследуемый материал, КП активно употребляются в устной речи башкир. В текстологической базе нами зафиксировано 1886 различных по своей структуре КП.

Проведенный структурный анализ позволил выявить, что в устную речь наиболее активно внедряются внутрифразовые переключения, включающие в себя вкрапления, пиджинизированные переключения и островные переключения.

Употребление КП в устной речи башкир продиктовано разными причинами:

- наличие лакуны (отсутствие в МЯ необходимых для коммуникации языковых средств);
- крайне ограниченное употребление в устной речи тех или иных исконных языковых средств (характерных скорее для письменной речи, нежели устной);
- затруднение в выборе нужных языковых средств на родном языке (информант переходит на ГЯ, когда в процессе коммуникации по каким-либо причинам не может вспомнить нужное слово или выражение);
- цитирование (при передаче чужой речи).

Кодовые переключения в большинстве случаев воспринимаются носителями языка как чужеродные, засоряющие родной язык элементы. Следовательно, изучение и анализ таких элементов в башкирском языке имеет и практическое значение. Например, полученные результаты позволяют в образовательных учреждениях акцентировать внимание учащихся именно на тех проблемных участках речепроизводства, в которых чаще всего встречаются КП.

Список сокращений

ГЯ — гостевой язык

КП — кодовые переключения

МЯ — матричный язык

Список источников

1. Багана Ж., Блажевич Ю. С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Т. 6, № 12. С. 63—67.
2. Балакина Ю. В., Соснин А. В. Теоретические основания переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 5—11.
3. Бускунбаева Л. А. Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке: монография. Уфа: Гилем, 2008. 114 с.
4. Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А. Разработка аудиокорпуса восточного диалекта башкирского языка: проблемы и перспективы // Известия Уфимского научного центра РАН. 2020. № 2. С. 90—97.
5. Иноязычные вкрапления в башкирском языке (на материале корпуса публицистики башкирского языка) / Л. А. Бускунбаева, З. А. Сиразитдинов, А. Ш. Ишмухаметова, А. Д. Ибрагимова // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XV Всерос. конф. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 240—242.
6. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000. 264 с.
7. Васильева В. В., Коньков В. И. Устная речь: практикум. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т: Ин-т Высш. шк. журналистики и масс. коммуникаций, 2015. 100 с.
8. Гарипов Т. М., Емалетдинов Ф. Д., Емалетдинова З. А. Краткий русско-башкирский словарь иноязычных заимствований. Уфа: Вагант, 2006. 71 с.
9. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 495 с.
10. Дмитриев Н. К. Варваризмы в башкирской речи // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. IV. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. С. 73—105.
11. Исаева М. Г. Кодовые переключения в письменных текстах СМИ (на материале русскоязычных журналов): дис. ... канд. филол. наук. Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2009. 262 с.
12. Крысин Л. П. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека // Речевое общение: специализированный вестник. 2000. Вып. 3 (11). С. 61—64.
13. Крысин Л. П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74—78.
14. Майерс-Скоттон К. Рамочная модель матричного языка и переключение кодов в речи билингов // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 7 (453). Филологические науки. Вып. 125. С. 100—109. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10713.
15. Мусаев К. М. К истории союзов в тюркских языках // Советская тюркология. 1980. № 6. С. 3—11.
16. Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников: монография. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 87 с.
17. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Рос. энцикл., 1997. 722 с.
18. Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Каримова Р. Н. Диалектологическая база Машинного фонда башкирского языка как инструмент исследования башкирского диалектного континуума // Oriental Studies. 2016. № 9 (1). С. 212—219. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-212-219.
19. Сиразитдинов З. А. Лексика романа «Кан» Д. Юлтыя: (квантитативно-стилистический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989. 22 с.
20. Сиразитдинов З. Ә., Боҫқонбаева Л. А., Ишмөхәмәтова А. Ш. Башкорт телендә сит тел һүзәрә (проза корпусы нигезендә) // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: тр. X Всерос. съезда востоковедов, посвящ. 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Кн. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 10—12.
21. Словарь ранних русских заимствований башкирского языка / авт.-сост.: Ф. Г. Хисамитдинова [и др.]. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. 254 с.
22. Султанбаева Х. В. К вопросу о происхождении служебных частей речи в тюркских языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 12. С. 125—128.
23. Терегулова Р. Н. Русские заимствования в башкирском языке: монография. Уфа: Башкир. книж. изд-во, 1957. 88 с.

24. Чиршева Г. Н. Билингвальная речь // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 4. С. 23—29.
25. Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. 189 с.
26. Appel R., Muysken P. Language Contact and Bilingualism. London; Baltimore, Md., USA: E. Arnold, 1987. 213 p.
27. Moravcsik E. A. Language contact // Universals of Human Language. Vol. 1. Method and Theory. Stanford: Stanford Univ. Press, 1978. P. 93—122.
28. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press, 1993. 265 p.
29. Текстологическая база Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка. URL: <https://mfbl2.ru/mfbl/bashdial>.

References

1. Bagana Zh, Blazhevich YuS. To the question of switching codes. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Belgorod State University Scientific Bulletin. Series Humanities*. 2010;12(6):63-67. (In Russ.).
2. Balakina YuV, Sosnin AV. Theoretical foundations of code switching and the functioning of borrowings from the standpoint of contact linguistics. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Bulletin of the Voronezh State University. Series Linguistics and intercultural communication*. 2015;2:5-11. (In Russ.).
3. Buskunbaeva LA. Zakonomernosti rechevoy ekonomii i ikh otrazhenie v bashkirskom iazyke = Patterns of speech economy and their reflection in the Bashkir language. Ufa: Gilem; 2008. 114 p. (In Russ.).
4. Buskunbaeva LA, Sirazitdinov ZA. Development of the audio corpus of the Eastern dialect of the Bashkir language: problems and prospects. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra RAN = Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre*. 2020;(2):90-97. (In Russ.).
5. Buskunbaeva LA, Sirazitdinov ZA, Ishmuhametova ASH, Ibragimova AD. Foreign language inclusions in the Bashkir language (based on the material of the Bashkir language journalism corpus). In: Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii = Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia. Ufa: IYAL UFIC RAN; 2014. Pp. 240—242. (In Russ.).
6. Vajnrakh U. Iazykovye kontakty. Sostoianie i problemy issledovaniia = Language contacts. The state and problems of the study. Blagoveshchensk; 2000. 264 p. (In Russ.).
7. Vasileva VV, Konkov VI. Ustnaia rech = Oral speech: practicum. St. Petersburg; 2015. 100 p. (In Russ.).
8. Garipov TM, Emaletdinov FD, Emaletdinova ZA. Kratkiy russko-bashkirskiy slovar' inoiazychnykh zaimstvovaniy = A concise Russian-Bashkir Dictionary of Foreign language borrowings. Ufa: Vagant; 2006. 71 p. (In Russ., Bashkir).
9. Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka = Grammar of the modern Bashkir literary language. Moscow: Nauka; 1981. 495 p. (In Russ.).
10. Dmitriev NK. Barbarisms in the Bashkir speech. Zapiski Kollegii vostokovedov pri Aziatskom Muzeje AN SSSR = Notes of the College of Orientalists at the Asian Museum of the USSR Academy of Sciences. Leningrad; 1930. Vol. IV. P. 73—105. (In Russ.).
11. Isaeva MG. Kodovye perecliucheniia v pis'mennykh tekstakh SMI (na materiale russkoiazychnykh zhurnalov) = Code switching in written texts of mass media (based on the material of Russian-language magazines). Cherepovets; 2009. 262 p. (In Russ.).
12. Krysin LP. Code-switching as a component of human speech behavior. *Rechevoe obshchenie = Speech communication*. 2000;(11):61-64. (In Russ.).
13. Krysin LP. Stages of mastering a foreign language word. *Russkij yazyk v shkole = Russian language at school*. 1991;(2):74-78. (In Russ.).
14. Myers-Scotton C. The matrix language frame model and code-switching in bilingual speech. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(7(453)):100-109. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10713. (In Russ.).
15. Musaev KM. On the History of Unions in the Turkic languages. *Sovetskaya tyurkologiya = Soviet Turkology*. 1980;(6):3-11. (In Russ.).

16. Nasilov VM. Iazyk orhono-eniseyskikh pamiatneykov = The language of the Orkhon-Yenisei monuments. Moscow: Publishing House of Oriental literature; 1960. 87 p. (In Russ.).
17. Karaulova YuN (ed.). Russkiy iazyk: entciclopedia = Russian language: encyclopedia. Moscow: Big Russian Encyclopedia, 1997. 722 p. (In Russ.).
18. Sirazitdinov ZA, Buskunbaeva LA, Karimova RN. Dialectological base of the machine fund of the bashkir language as a tool for research bashkir dialect continuum. *Oriental Studies*. 2016;(9-1):212-219. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-212-219. (In Russ.).
19. Sirazitdinov ZA. Leksika romana “Kan” D. Iultyia: (kvantitativno-stilisticheskiiy analiz) = Vocabulary of the novel “Kan” by D. Yulty: (Quantitative and stylistic analysis). Alma-Ata; 1989. 22 p. (In Russ.).
20. Sirazitdinov ZA, Buskunbaeva LA, Ishmuhametova ASH. Foreign words in the Bashkir language (based on the material of the prose corpus). In: Rossiya i Vostok: vzaimodejstvie stran i narodov = Russia and the East: interaction of countries and peoples. Ufa: IYAL UFIC RAN; 2015. Pp. 10—12. (In Russ.).
21. Hisamitdinova FG (ed.) [et al.]. Slovar` rannikh russkikh zaimstvovaniy bashkirsikogo iazyka = Dictionary of early Russian borrowings of the Bashkir language. Ufa: IYAL UFIC RAN; 2021. 254 p. (In Russ.).
22. Sultanbaeva HV. On the question of the origin of the official parts of speech in the Turkic languages. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2008;(12):125-128. (In Russ.).
23. Teregulova RN. Russkie zaimstvovaniia v bashkirskom iazyke = Russian borrowings in the Bashkir language. Ufa: Bashkir Book Publishing House; 1957. 88 p. (In Russ.).
24. Chirsheva GN. Bilingual speech. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg State University*. 2003;(4):23-29. (In Russ.).
25. Chirsheva GN. Dvuiazychnaia kommunikatsiia = Bilingual communication. Cherepovets: GOU VPO CHGU; 2004. 189 p. (In Russ.).
26. Appel R, Muysken P. Language Contact and Bilingualism. London; Baltimore, Md., USA: E. Arnold; 1987. 213 p.
27. Moravcsik EA. Language contact. *Universals of Human Language*. Vol. 1, Method and Theory. Stanford: Stanford University Press; 1978. Pp. 93—122.
28. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press; 1993. 265 p.
29. Tekstologicheskaya baza Dialektologicheskogo podfonda Mashinnogo fonda bashkirsikogo iazyka = Text database of the Dialectological cluster within the Machine Fund of the Bashkir Language. Available from: <https://mfbl2.ru/mfbl/bashdial>.

Информация об авторе

Л. А. Бускунбаева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики и диалектологии.

Information about the author

Liliya A. Buskunbayeva — Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher at the Institute of History, Language and Literature.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 16.03.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 16.03.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests